

*Эта книга посвящается мужчинам и женщинам,
которые спасли мне жизнь.*

*Мы — другие, мы отличаемся от людей,
которыми были до вчерашнего бедствия.*

СЭМЮЭЛЬ БЕККЕТ¹

1 Перевод М. Дадяна.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ангел
смерти

1

Нож

В четверть одиннадцатого 12 августа 2022 года, солнечным пятничным утром, к северу от Нью-Йорка я был атакован и почти что убит вооруженным ножом молодым мужчиной; это случилось сразу после того, как я вышел на сцену зала в Чатокуа, чтобы рассказать, как важно оберегать писателей.

Со мной был Генри Рис, создавший вместе со своей женой Дианой Самуэльс проект “Питтсбург. Город-убежище”, благодаря которому получили убежище несколько писателей, чья жизнь подвергалась риску в их собственных странах. Именно об этом мы с Генри должны были говорить в Чатокуа — о создании в Америке безопасного пространства для писателей из других стран и о моем участии в этом проекте на этапе его создания. Наша беседа была запланирована как одно из мероприятий недели под названием “Больше, чем приют. Переосмысляя Америку”.

Этот наш разговор так и не состоялся. В очень скором времени мне предстояло узнать, что местный зал не был для меня в тот день безопасным местом.

Я до сих пор вижу этот момент, словно в замедленной съемке. Мои глаза следят за человеком приближающимся бегом, который выскакивает из зрительного зала и бежит в мою сторону, за его стремительным прыжком. Вижу себя, вижу, как встаю и разворачиваюсь к нему. (Я продолжаю смотреть ему в лицо. Я не поворачиваюсь к нему спиной. У меня нет ран на спине.) Я поднимаю левую руку, чтобы защитить себя. Он вонзает в нее нож.

А после этого — множество ударов, в мою шею, в мою грудь, в мой глаз, повсюду. Я чувствую, как у меня подкашиваются ноги, и падаю.

Четверг 11 августа стал для меня последним вечером, проведенным в невинности. Генри, Диана и я безмятежно прогулялись по территории Института и мило пообедали в ресторанчике “2 Ames”, расположенном на углу парковой зоны под названием Бестор-плаза. Мы вспоминали речь, которую 18 лет тому назад я произнес в Питтсбурге и рассказал о своей роли в создании международной сети городов-убежищ. Генри и Диана слышали эту речь, и она вдохновила их сделать городом-убежищем и Питтсбург. Они стали оплачивать аренду небольшого домика и помогать деньгами китайскому поэту Хуан Сяну, который трогательно написал на наружных стенах своего нового дома крупными белыми иероглифами свое стихотворение. Постепенно Генри и Диана расширяли свой проект, и он вырос в целую улицу домов-убежищ, Сампозния-уэй, в северной части города. Я был рад быть в Чатокуа и поздравить их с этим достижением.

Чего я не знал, так это того, что мой будущий убийца уже ходил в это время по дорожкам Института Чатокуа.

1. Нож

Он попал туда по фальшивому удостоверению личности, его выдуманное имя было составлено из имен двух известных экстремистов из числа мусульман-шиитов, и даже когда мы выходили из гостевого дома поужинать и шли обратно, он тоже был где-то там, уже пару ночей он бродил повсюду, спал урывками, изучая место планируемого нападения, составляя план и оставаясь незаметным для камер видеонаблюдения и охраны. Мы могли столкнуться с ним в любой момент.

Я не хочу называть его здесь по имени. Атаковавший меня, мой будущий Ассасин, Андрот, напридумывавший себе Аксиом про меня, Аудиенция с которым чуть не закончилась для меня смертью... Я обнаружил, что думаю о нем — возможно, пытаюсь простить, — как об отхожем месте, Афедроне. Однако, принимая во внимание цели, с которыми я пишу этот текст, я стану называть его в нем более пристойно — “А.”. То, как я называю его в своей жизни, у себя дома — мое личное дело.

Этот самый “А.” не потрудился собрать информацию о человеке, которого вознамерился убить. По его собственному признанию, он с трудом осилил пару страниц из того, что я написал, и посмотрел на *YouTube* пару видео с моим участием — большего ему не требовалось. Из этого мы можем прийти к выводу, что, чем бы ни было вызвано его нападение, это были не “Сатанинские стихи”.

Я попытаюсь понять, что же это было, в этой книге.

Утром 12 августа мы рано позавтракали вместе с организаторами мероприятия на солнечной террасе принадлежащего институту гранд-отеля “Атенеум”. Я не люблю плотно завтракать, а потому ограничился кофе и круассаном.

Я познакомился с гаитянским поэтом Сони Тон-Айме, почетным стипендиатом Майкла Руделла по писательскому мастерству в Чатокуа, который должен был представить нас на выступлении. У нас состоялся небольшой разговор о недостатках и достоинствах заказа литературных новинок через *Amazon*. (Я признался, что порой так поступаю.) Потом мы вышли из лобби отеля, пересекли небольшую площадь и оказались за кулисами зала, где Генри представил меня своей девяностолетней матери, что было мило.

Непосредственно перед мероприятием мне вручили конверт с чеком, гонорар за мое выступление. Я убрал его во внутренний карман пиджака, после чего пришло время начинать программу. Сони, Генри и я вышли на сцену.

Этот амфитеатр вмещает больше четырех тысяч человек. Зал не был полон, но людей было очень много. Сони кратко представил нас, он говорил, стоя на подиуме в левой части сцены. Я сидел в правой части. Публика горячо аплодировала. Я помню, что поднял руку, чтобы поблагодарить за аплодисменты. А после краем правого глаза — и это было последнее, что видел в этой жизни мой правый глаз — я заметил человека в черном, бегущего в мою сторону справа из зрительного зала. Черная одежда, черная маска на лице. Он стремительно приближался снизу, как пущенная в заданный квадрат ракета. Я поднялся и наблюдал его приближение. Я ошеломлен.

Прошло тридцать три с половиной года с тех пор, как аятолла Рухолла Хомейни вынес пресловутый смертный приговор мне и всем тем, кто имеет отношение к публикации “Сатанинских стихов”, и, признаюсь, за эти годы я не раз представлял себе, как мой убийца отделяется от публики на том или ином сборище и движется в мою сторону, ровно так же, как сейчас. Так что моей первой

1. Нож

мыслью, когда я увидел эту приближающуюся ко мне смертоносную тень, было: “Ну вот и ты. Ты пришел”. Рассказывают, что последними словами Генри Джеймса стала фраза: “Ну вот и оно, выдающееся событие!” Смерть приближалась и ко мне, но она не показалась мне выдающимся событием. Она показалась мне анахронизмом.

Моей второй мыслью было: “Почему сейчас? Неужели это правда? Столько времени прошло. Почему сейчас, после стольких лет?” Вне всякого сомнения, мир изменился, и эта история осталась в прошлом. Но он был здесь — ко мне стремительно приближался своеобразный путешественник во времени, смертоносный призрак из прошлого.

Тем утром в зале не было видно охраны — почему? я не знаю, — так что он беспрепятственно бежал ко мне. А я просто стоял там, уставившись на него, я, дурак, прирос к месту, словно попавший в свет фар кролик.

Потом он добежал до меня.

Я не видел ножа либо, по крайней мере, не помню этого. Я не знаю, был он коротким или длинным, с широким, как у охотничьего ножа, лезвием, или с узким, как у стилета, с зубцами, как у ножа для резки хлеба, или с изгибом, как у серпа, это могла быть уличная выкидуха на пружине или просто нож, который он стащил на кухне у своей мамы. Мне все равно. Оно было вполне исправно, это невидимое оружие, и оно справилось со своей работой.

За две ночи до перелета в Чатокуа мне приснилось, что на меня нападает человек с копьём, гладиатор в римском амфитеатре. Там была публика, она выла, алкая крови. Я катался по земле, пытаюсь уклоняться от ударов, которые гладиатор наносил сверху, и орал. Этот сон снился мне

уже не впервые. Два предыдущих раза, пока мое “Я” во сне судорожно металось, мое настоящее, спящее “Я”, тоже с криком, выбрасывало свое тело — мое тело — из кровати, и я просыпался от болезненного удара об пол спальни.

В тот раз я не упал с кровати. Моя жена Элиза — автор романов, поэт и фотограф Рэйчел Элиза Гриффитс — разбудила меня как раз вовремя. Я сидел в кровати, потрясенный реалистичностью и жестокостью своего сна. Я чувствовал, что это дурное предзнаменование (при том, что дурные предзнаменования — это то, во что я не верю). И все же зал в Чатокуа, где я должен был выступать, тоже был амфитеатром.

— Я не хочу ехать, — признался я Элизе.

Но от меня зависели люди: Генри Рис зависел от меня, мероприятие рекламировали на протяжении какого-то времени и продавали билеты, к тому же мне должны были хорошо заплатить за это выступление. Так случилось, что нам надо было оплатить несколько больших хозяйственных счетов — вся система кондиционирования в нашем доме устарела и могла вот-вот отказаться, так что ее нужно было модернизировать, и эти деньги очень быгодились.

— Лучше я поеду, — сказал я.

Город Чатокуа назван по названию озера, на берегах которого расположен. “Чатокуа” — слово на языке эри, на котором разговаривал народ эри, однако и этот народ, и этот язык исчезли, так что значение этого слова остается неизвестным. Оно может означать “пару мокасин”, или “сумку, сшитую посередине”, или что-то совершенно другое. Может, оно описывает форму озера, а может, нет. Есть вещи, навсегда затерявшиеся в прошлом, там, где в конце концов окажемся мы все, и большинство из нас — в забвении.